

ПОВТОРЯЮЩИЕСЯ ПРЕДМЕТНЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ ЖИЗНИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI ВЕКОВ

А.А. Папейко

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
г. Могилёв, Республика Беларусь

В статье на материале творчества 31 автора в рамках трёх периодов русской поэзии рассматривается семантика субстантивных метафор *жизни*. Особое внимание уделяется повторяющимся метафорам с предметным и вещественным значением. Делаются выводы о стандартизованности и разнообразии субстантивных метафор, о существенных изменениях коннотации метафорически употреблённых лексем, о контекстуальном обогащении смысла вторичных номинантов.

Ключевые слова: *Метафора, семантика, жизнь, дискурс, поэзия.*

Целью настоящей статьи является описание семантико-статистических особенностей повторяющихся субстантивных метафор *жизни* с предметным и вещественным значением. Наблюдения велись на материале творчества 31 автора с охватом 3 периодов русской поэзии: 1) 1901–1940 гг.; 2) 1941–1980 гг.; 3) с 1981 г. по настоящее время (последние из рассмотренных нами произведений датированы 2022 г.).

Вообще, концепт *жизнь* является одним из традиционных объектов изучения как в лингвистике, так и в смежных областях знаний, причём подходы к описанию характеризуются существенным разнообразием. Так, например, Ю.Д. Апресян [2], А.Д. Шмелёв [15], З.Д. Попова и И.А. Стернин [10], Ю.С. Степанов [14], Ю.Н. Караулов [7] и др. рассматривают концепт *жизнь* как один из ключевых фрагментов русской языковой картины мира; Е.В. Дзюба [5], Н.В. Александрович [1], Е.Ю. Пономарёва [9], А.В. Прохорова [11] видят в данной единице один из членов обязательной бинарной оппозиции «жизнь / смерть»; О.А. Иванова [6], Е.Н. Руднев [12], Н.Г. Смирнова [13], Т.М. Горшкова [4] отводят концепту *жизнь* роль самостоятельного объекта изучения.

Для систематизации содержания *жизни* как языкового знака, а также установления и упорядочения связей *жизни* как фрагмента языковой картины мира с другими её существенными элементами (*смерть, человек, душа, время, мир, война* и др.) мы, с учётом смысловой и формально-грамматической сторон, выделили 5 общих групп, в рамках которых велось изучение семантики *жизни* в поэтическом дискурсе: 1) субстантивная метафора как вторичная номинация, основанная на внешнем либо внутреннем сходстве; 2) субстантивное сравнение как образное выражение, содержащее формальный показатель сравнения;

3) качественная характеристика, основанная на переосмыслении адъектива; 4) метафорические глагольные конструкции, образующие значение субъекта; 5) метафорические глагольные конструкции, образующие значение объекта.

Отметим, что *жизнь* как объект метафорического осмысления и отражения в научной литературе получила сложную, неоднозначную, иногда разноуровневую характеристику. Так, Д.Н. Галимова [3] при сопоставлении книжной культуры и бытового дискурса выделяет в структуре *жизни* общие базисные модели («путь, дорога», «природный цикл», «произведение искусства», «театр») и частные модели, служащие для распространения, развития базисных («книга», «текст», «сценарий», «день», «год»). Г.Ю. Мальцева [8] использует термин «образ-схема» и на материале произведений В.В. Набокова описывает такие образы, как «путь», «круг», «борьба». Исследуя специфику субстантивных метафор в творчестве М.И. Цветаевой, мы выделили такие подгруппы метафор, как «жизнь & смерть», «литературное произведение», «тюрьма», «состояние», «вещество, продукт», «опредмеченное действие», «пространство», «игровая атрибутика», «человек», «транспорт», «толпа», «предмет воздействия», «отягощение», «качество», «чувство, отношение».

Логично, что увеличение объёма фактического материала (количества текстов и авторов, расширение хронологических рамок) ведет к повышению разнообразия спектра метафоризации. Так, если выше мы говорили о 15 направлениях, выявленных на основе творчества М.И. Цветаевой, то анализ произведений, охватывающих период с 1901 по 2022 гг. и принадлежащих 31 автору, позволил обозначить большее количество направлений метафоризации.

Поэтические тексты, использованные нами в качестве фактической базы, исчислялись 16 241 с общим объёмом словоупотреблений 2 226 780. Лексический репрезентант *жизнь* с учетом возможных словоформ встретился 4 369 раз, при этом было зафиксировано 938 случаев использования субстантивной метафорической номинации, осуществляемой посредством 598 различных лексем; таким образом, средняя повторяемость лексемы при метафорическом описании *жизни* округлённо до сотых составила $938 : 598 = 1,57$ раза.

С точки зрения семантики спектр субстантивных метафор *жизни* предстаёт в виде следующих 20 укрупнённых составляющих: 1) астрономический, географический, воздушный, водный объект; 2) волевое, внутреннее, внешнее качество; 3) наличие, отсутствие, часть от целого; 4) сознание, его работа, состояние; познаваемость; 5) растение, его часть, место произрастания; 6) человек (пол, возраст, профессия, совокупность); животное; соматизм; персонаж; 7) текст, его носитель; 8) строение, поселение, заведение; 9) пространство, его часть;

локус движения; 10) стихия (вода, огонь, воздух), явление природы; 11) звук, запах, вкус; освещение, цвет; 12) темпоральность; 13) жизнь, смерть; функция организма; 14) транспорт; 15) действие, событие; 16) игра, её атрибуты; 17) движение, развитие, проявление, образ жизни; 18) чувство, ощущение, отношение; 19) вещество, материал; продукт питания, напиток; 20) предмет (артефакт, след деятельности).

Сектора 19 и 20 с общим предметно-вещественным значением суммарно составляют 115 словоупотреблений, представленных 88 разными словами, что означает среднюю повторяемость лексемы $115 : 88 = 1,31$. Мы видим, что данное значение приблизительно на 1/6 меньше аналогичного показателя по субстантивным метафорам в целом, что говорит о меньшей степени «стандартизованности» предметно-вещественных метафор, о довольно заметном разнообразии вторичных номинантов с данной семантикой при метафорическом описании *жизни* на фоне всей совокупности метафор-существительных.

Названные в начале статьи три периода русской поэзии в нашем исследовании были представлены следующими авторами (номера периодов указаны в скобках после инициалов и фамилии): Б.А. Ахмадулина (II и III), А.А. Ахматова (I и II), А.А. Блок (I), И.А. Бродский (II и III), В.Я. Брюсов (I), И.А. Бунин (I), Ю.И. Визбор (II и III), Д.Б. Воденников (III), А.А. Вознесенский (II), В.С. Высоцкий (II), А.А. Галич (II), Н.С. Гумилёв (I), В.А. Долина (II и III), Е.А. Евтушенко (II и III), В.В. Егоров (II и III), С.А. Есенин (I), О.Е. Залесская (III), И.М. Иргеньев (III), О.И. Качанова (III), С.В. Кекова (III), А.О. Макаренков (III), О.Э. Мандельштам (I), Н.Н. Матвеева (II и III), В.В. Маяковский (I), О.Г. Митяев (III), Б.Ш. Окуджава (II и III), Б.Л. Пастернак (I и II), Р.И. Рождественский (II и III), О.А. Седакова (II и III), М.И. Цветаева (I), Е.А. Шварц (II и III).

В рамках каждого из периодов русской поэзии мы зафиксировали следующие случаи предметно-вещественных метафор *жизни* (числа после слова «период» обозначают общее количество метафор *жизни* и количество разных слов соответственно; числа в скобках после слов – количество употреблений данной единицы в качестве метафоры):

I период (39 / 34): *веретено, вещица, влага, гранит, гроб, груз, дань, дышло, жила, игла, кровать, молот, напиток, нить* (5), *нож* (2), *плата, полтинник, прах, простыня, путы, пылинка, руда, сапфир, светоч, слизь, столб, стремя, тлен, тяжесть, узел, хлеб (насущенный), цена, чучело, яд*;

II период (20 / 18): *гильотина, дар, добыча, жижа, зеркало, изнанка, календарь, мёд, медаль* (2), *муляж, нить* (2), *подарок, покров, прореха, пузырь, среда, товар, трибуна*;

III период (56 / 47): *банка, бочка, варево, вежа, вещица, вино, влага, вязь, груз, гуща, дар, жертва* (2), *игрушка, изделие, камень, компот, кофе, ловушка, мёд, медяк, награда, нить* (5), *опивки, подарок* (2),

полотно, полушка, помадка, приманка (2), путы, пылинка, пятак, сахар, сдача (2), силок, скорлупка (2), след, соль, сор, среда, срез (времени), субстанция, ткань, труба, фото, чай, шов, штука.

Как мы видим, некоторые вторичные номинанты в качестве метафоры *жизни* были использованы более 1 раза. В общей сложности мы обнаружили 16 таких лексем, а суммарное их использование даёт 43 словоупотребления. Вероятно, подобное повторение свидетельствует о неслучайном, закономерном характере ассоциации *жизни* с данными понятиями, об устойчивости этих ассоциаций, что подтверждается также повторением определённых номинантов не только в творчестве одного автора, но авторов именно разных, причем представляющих разные периоды поэзии. Полная картина употребления повторяющихся предметно-вещественных метафор *жизни* представлена в Таблице 1 (числа в скобках обозначают: в графе «Вторичный номинант» – суммарное количество употреблений данной лексемы в рамках всех периодов; в графах периодов после ФИО – количество употреблений тем или иным автором в рамках периода, если значение больше 1).

Таблица 1. Повторяющиеся субстантивные метафоры с предметным и вещественным значением

Вторичный номинант	I период	II период	III период
Вещица (2)	Б.Л. Пастернак		О.А. Седакова
Влага (2)	В.Я. Брюсов		С.В. Кекова
Груз (2)	М.И. Цветаева		А.О. Макаренков
Дар (2)		А.А. Ахматова	И.М. Иртенъев
Жертва (2)			С.В. Кекова (2)
Мёд (2)		В.В. Егоров	А.О. Макаренков
Медаль (2)		И.А. Бродский (2)	
Нить (12)	В.Я. Брюсов (5)	В.С. Высоцкий Е.А. Шварц	И.М. Иртенъев (2) А.О. Макаренков (2) Е.А. Шварц
Нож (2)	С.А. Есенин М.И. Цветаева		
Подарок (3)		А.А. Вознесенский	Н.Н. Матвеева О.А. Седакова
Приманка (2)			О.И. Качанова Е.А. Шварц
Путы (2)	В.Я. Брюсов		О.Е. Залесская
Пылинка (2)	В.Я. Брюсов		А.О. Макаренков
Сдача (2)			И.А. Бродский (2)
Скорлупка (2)			Б.Ш. Окуджава (2)
Среда (2)		И.А. Бродский	С.В. Кекова

В представленных данных обращает на себя внимание то, что более половины всех устойчивых метафор (а именно 23 из 43), несмотря на приблизительное равенство текстового объёма, приходится на 3-й период, у которого в большей степени заметно совпадение с I периодом (6 номинантов: *вещица, влага, груз, нить, пути, пылинки*), несколько в меньшей степени – со II (5 номинантов: *дар, мёд, нить, подарок, среда*); наконец, реже всего отмечается совпадение в рамках непосредственно III периода (4 номинанта: *жертва, приманка, сдача, скорлупка*). Насыщенность именно III периода повторяющимися метафорами проявляется и в том, что из 16 отраженных в таблице вторичных номинантов в III отсутствуют только 2 (*медаль* и *нож*).

С точки зрения семантики среди повторяющихся субстантивных метафор с предметным и вещественным значением можно выделить следующие подгруппы.

1. «Положительная коннотация». Данная подгруппа образована лексемами *дар, медаль, мёд, подарок, приманка*. Положительная коннотация реализуется с помощью указания на желательность, приятность (*дар, подарок*), ценность (*медаль*), привлекательность (*приманка*), вкусовые качества (*мёд*), например: «Жизнь человека — это дар, / Причём, что характерно, Божий», — / Сказал наш главный коммунар / И главный теоретик тоже. (Иртеньев) Жизнь — это те же сны, / Знаешь, мой милый сын, / Жизнь — это соль и мёд, / Тропы и кручи. (Макаренков) Вся жизнь его — подарок / И выбор иномарок... (Матвеева) Чужая жизнь — приманка, / Бродячее искусство, / Тягучая помадка / Неведомого вкуса. (Качанова) Интересно, что в ряде случаев контекст «отодвигает» положительную коннотацию на второй план, делая акцент на другой семантической составляющей. Например, *подарок* может символизировать не только и не столько ценность, сколько непрочность, разрушаемость под воздействием тех или иных факторов: *Не знаю, кто меня смутил / и чья во мне вина, / но жизнь коротка, но жизнь, мой друг, — / стеклянный подарок, упавший из рук.* (Седакова) *Медаль* может приобретать значение диалектического единства противоположных начал, разделения на «хорошее» и «плохое», «положительное» и «отрицательное», «чёрное» и «белое» (ср. также с поговоркой *обратная сторона медали*): *Жизнь не медаль. Мир — не чекан двух оборотов.* (Бродский) Более того, вторичный номинант может изменять значение на прямо противоположное, что фактически приводит к диаметральной смене «+» и «-» полюсов: *Нам с сестренкой каюк: / наша мама на юг / улетела недавно. / Это ж каждый поймёт: / жизнь без мамы — не мёд, / а с отцом — и подавно!* (Егоров)

2. «Отрицательная коннотация». В эту подгруппу входят вторичные номинанты *груз, жертва, нож, пути*. Интересно, что данные лексемы, в отличие от описанной выше подгруппы, будучи употребленными в качестве метафор, в целом сохраняют свою

коннотативную характеристику. Так, *груз* воспринимается как нечто тяжёлое, лишнее, приносящее затруднения: *Жизнь – это лишь свет и тень, / Бабочки в высоте, / Переживаний груз.* (Макаренков) *Жертва* обозначает объект, испытывающий негативное воздействие вплоть до полного уничтожения, разрушения: *Дрожащая рука отведена, / и это изменило вкус вина, / но жизнь свою держу я наготове: / её, как овна, в жертву принесёт / тот, кто считает, что меня спасёт, / когда он овну голову отрубит.* (Кекова) *Нож* реализует значение чего-то ранящего, болезненного, приносящего страдания (ср. также с мифом о Прометее, чью печень терзал орёл): *То не жизнь была, / А в печёнки нож!* (Есенин) Вторичный номинант *пути* ассоциируется с неволей, зависимостью, отсутствием свободы: *Как больно знать невидимое им, – / Всем существам планеты лилипутов, – / Что жизнь – лишь обязательства и пути, / Что есть закон, и он неодолим.* (Залеская)

3. «Незначительность». Подгруппа незначительности, малой величины *жизни* представлена вторичными номинантами *вещица, пылинка, скорлупка*. Данная семантика усиливается за счёт формального показателя, т.е. уменьшительного суффикса, который, не привнося значения «ласкательности», помогает реализовать другие существенные смыслы. Например, *вещица*, помимо обозначения размера, уподобляет *жизнь* предмету невысокой степени значимости, утратившему актуальность: *Ушедшими оставлен протокол, / Что ты и жизнь – старинные вещицы, / А одиночество – это рококо.* (Пастернак) *Пылинка* характеризует индивидуальную *жизнь* как нечто незначительное именно на фоне огромного количества жизней окружающих людей, их совокупности: *Я многого не видел и не встретил, / Пылинка в миллиардах — жизнь моя!* (Брюсов) *Скорлупка*, подобно некоторым номинантам положительной коннотации, демонстрирует изменение значения и характеризует *жизнь* уже не с точки зрения размера, а с позиции разрушаемости, недостаточной прочности, что создаёт основу для жизненного принципа «надо жить и радоваться здесь и сейчас»: *Ах, как летят за днями дни, / Вся наша жизнь – скорлупка, / Скорее ручку протяни / И слёз не лей, голубка.* (Окуджава)

4. «Исчерпаемость, остаточность». Названная семантика, помимо некоторых описанных выше случаев, присуща вторичному номинанту *сдача*. В силу ассоциации с процессом купли-продажи, обозначая остаточность и исчерпаемость, *сдача* переводит *жизнь* в приземлённо-бытовой план восприятия и реализует несколько смысловых пластов. Во-первых, *жизнь* предстаёт как нечто материальное с возможностью участия в процессе купли-продажи. Во-вторых, *жизнь* лишается «статуса» абсолютной ценности, т.к. фактически отождествляется с определённой, хотя и не названной суммой. В-третьих, *жизнь* воспринимается как нечто по большей части ушедшее в прошлое, и по сравнению с утраченным, прожитым, исчезнувшим остаток видится как

величина малая, и притом постоянно уменьшающаяся: *Я, хватаясь рукою за грудь, поодаль / считаю с прожитой жизни сдачу.* (Бродский)

5. «Субстанция». Данная подгруппа образована лексемами *влага, среда* и примечательна в том плане, что они, в отличие от рассмотренных выше, в меньшей степени отмечены дополнительными коннотациями. Иначе говоря, такие слова тяготеют к номинативной функции, делегируя метафорическое, образное, смысловое первенство другим лексическим единицам; например, *среда* служит сугубо для номинации локуса, а его сущностные характеристики, отсылающие к проблеме восприятия, видения, скрытого смысла, познаваемости *жизни*, передаются посредством зависимого адъектива *непрозрачная*: *Для ждущих Страшного суда / жизнь – непрозрачная среда...* (Кекова)

Отдельно скажем о лексеме *нить*, встретившейся в нашей выборке 12 раз, что составляет более четверти всех повторяющихся метафор с предметно-вещественным значением или (округлённо до сотых) 1,28% от всех субстантивных метафор *жизни* в целом, общее количество которых составило 938. Как следует из Таблицы 1, мы можем отметить постепенное увеличение частоты использования *нити* в качестве метафоры *жизни* в идиостилиях; так, если в рамках I периода все 5 случаев зафиксированы в творчестве одного автора (В.Я. Брюсов), то во втором периоде таких авторов уже два (В.С. Высоцкий, Е.А. Шварц), а в третьем – три (И.М. Иртеньев, А.О. Макаренко, Е.А. Шварц). Значит, «степень устойчивости» лексемы при её использовании в качестве метафоры в рамках достаточно обширного временного промежутка есть величина непостоянная; в данном случае мы наблюдаем динамическое изменение в сторону увеличения.

Что касается текстовой семантики *жизни* при обозначении последней посредством *нити*, то необходимо учитывать три смысловых пласта. Во-первых, вытекающую из зафиксированных лексических значений ассоциацию с чем-то тонким, протяжённым в пространстве, конечным (имеющим предел), изготовленным, разрушаемым. Во-вторых, контекстуальную качественную характеристику *нити* и/или *жизни* – т.е. атрибутивные характеристики, передаваемые в первую очередь зависимыми именами прилагательными и подобными им словами. В-третьих, субъектно-объектные отношения *нити* (*жизни*) с окружающей реальностью, обозначаемые глагольными конструкциями.

В рассмотренных нами цитатах мы отметили такие варианты качественной характеристики, как *гнилая, краткая, народная, пёстрая, спутанная, тонкая* (3 раза), *яркая*, – что в целом согласуется с приведённой выше ассоциацией, обусловленной словарным значением, однако содержит и дополнительные смыслы. Так, *жизнь* получает визуальную характеристику и этим обуславливает внутреннее либо физическое состояние человека: *Нити пёстры, нити яркие, / В белом блеске я ослеп. / Не моя ли жизнь – те нити?* (Брюсов) Конечный,

ограниченный в пространстве/времени характер жизни предстаёт именно как недостаточно продолжительный, краткий: *Рублю я радостным мечом / Нить жизни краткой – пополам.* (Брюсов) Непрочность, лёгкая разрушаемость жизни одновременно передаёт отношение к её образу, укладу: *Он был племянником при дяде, / Пред тем как злобный дар «не пить» / Порвал гнилую жизни нить: / В могилу дядю свёл. Но пить / Наш царь не смел при дяде-гаде.* (Высоцкий)

В качестве субъекта *нить* выступает в двух случаях, реализуя общее значение разрушения, прекращения: *сорваться, прерваться.* Интересно, что при этом прослеживается параллель с древнегреческой (мойры) или древнеримской (парки) мифологией, согласно которой *жизнь-судьба* определяется высшими существами, неподвластными даже богам и призванными прясть, отмерять и перерезать нить, т.е. жизнь человека: *Сладко теперь умереть! Нити жизни, сорвитесь с прялки! / В милых объятьях любви сладко теперь умереть!* (Брюсов)

Значение объекта воздействия *нить* получает в сочетаниях с глаголами *выискивать, вязать, мотать, порвать* (2 раза), *раскрутить, рубить, смотать*; в этих конструкциях к ожидаемым (обусловленным словарными значениями) смыслам вновь добавляются другие, возникающие именно из контекста. Так, *жизнь* предстаёт в качестве объекта поиска, познания, постижения: *Их толкали, грубо стискивали, / Им пришлось и брань испить, / Но они в толпе выискивали / Всей народной жизни нить.* (Брюсов) Создание («изготовление») *жизни-нити* одновременно указывает на наиболее желательный образ, способ, уклад – как, например, совместное действие *вязать* в значении ‘быть рядом с любимым человеком’: *Я просто устану жить – / Ты просто устала ждать, / Но так бы хотелось нить / Жизни вдвоём вязать...* (Макаренков) Примечательно, что *жизнь* как *нить* представляется процессом, который может осуществляться в двух направлениях, – от начала к концу и (по крайней мере, в плане мечты, желания, фантазии) от конца к началу: *Мне смотать бы жизни нить / К самому началу, / И уж снова раскрутить / Я б не разрешала.* (Шварц)

В заключение сформулируем основные выводы.

1. Метафоры-существительные с предметным и вещественным значением отмечены меньшей стандартизованностью и бóльшим разнообразием, чем субстантивные метафоры *жизни* в целом.

2. Лексема, употребленная в качестве метафоры, может существенно изменять свою коннотацию вплоть до диаметральной смены «положительного» и «отрицательного» полюсов.

3. Ассоциации, обусловленные собственно словарным значением лексической единицы, могут значительно дополняться и обогащаться за счёт взаимодействия вторичного номинанта с другими словами в рамках разного рода сочетаний.

Список литературы

1. Александрович Н.В. Экзистенциально-значимые концепты LIFE/ЖИЗНЬ и DEATH/СМЕРТЬ в оригинале и переводах художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2008, № 4 (11). С. 45–49.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, №1. С. 37–67.
3. Галимова, Д. Н. Метафоры человеческой жизни в книжной культуре и бытовом дискурсе // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 3. Формы существования современного русского языка / Под ред. Е. А. Оглезневой, Н. Г. Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 110–116.
4. Горшкова Т.М. Концепт *жизнь* в концептосфере русского фольклора // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия : Языкознание. 2015, № 2 (2). С. 366–370.
5. Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М.И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Екатеринбург, 2001. 255 с.
6. Иванова О.А. Концепт жизнь в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Санкт-Петербург, 2005. 225 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Мальцева, Г.Ю. Образы-схемы метафор «жизнь – путь», «жизнь – круг», «жизнь – борьба» // Acta Polono-Ruthenica XXVI/3, 2021. С. 11–27.
9. Пономарёва Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.Ю. Пономарёва ; Тюменский гос. ин-т. Тюмень, 2008. 27 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 3-е. Воронеж, 2003. 192 с.
11. Прохорова А.В. Биполярность концепта «Жизнь / Смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник РУДН. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018, Т. 16, № 2. С. 224–241.
12. Руднев Е.Н. Концепт «жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. Серия : Филологические науки. 2010, № 3 (23). С. 101–104.
13. Смирнова Н.Г. Концепт «жизнь» и концептуальная метафоризация в историческом дискурсе В.О. Ключевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014, № 10 (40) : в 3-х ч. Ч. II. С. 160–164.
14. Степанов Ю.С. Константы : Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.
15. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира : Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Об авторе:

ПАПЕЙКО Анатолий Анатольевич – кандидат филологических наук,

доцент, доцент кафедры теории и методики начального образования Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (212022, Республика Беларусь, г. Могилев, ул. Космонавтов, 1), e-mail: anatology_papeiko@mail.ru

**REPEATED SUBJECT AND SUBSTANTIAL METAPHORS
OF LIFE IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE
OF THE XX–XXI CENTURIES**

A.A. Papeiko

Mogilev State University named after A. A. Kuleshov
Mogilev, Republic of Belarus

The article, based on the work of 31 authors within the framework of three periods of Russian poetry, examines the semantics of substantive metaphors of life. Particular attention is paid to repeated metaphors with objective and material meaning. Conclusions are drawn about the standardization and diversity of substantive metaphors, about significant changes in the connotation of metaphorically used lexemes, and about the contextual enrichment of the meaning of secondary nominees.

Keywords: *Metaphor, semantics, life, discourse, poetry*

About the Author:

ПАПЕЙКО Anatoly Anatolievich – Candidate of Philology in Linguistics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Primary Education of Mogilev State University named after A.A. Kuleshov (212022, Republic of Belarus, Mogilev, Kosmonavtov st., 1), e-mail: anatology_papeiko@mail.ru

© Папейко А.А., 2024

Статья поступила в редакцию 19.02.24
Подписана в печать 26.02.24